

ВЕДЕРНИКОВ, солист Большого театра, остановится у окна типовой квартиры, посмотрит вдаль, и вот уже перед вами то ли князь Юрий, то ли сам Годунов... И грима не надо этому человеку, не надо парчи и каменьев. А что надо? Ведерникову важно, видимо, всегда оставаться искренним и простым, важно сохранить в себе человеческую непосредственность.

— Я люблю больше петь положительного героя. Когда нас, особенно это касается детей, поощряют в хорошем, видят в нас хорошую сторону и ждут от нас хорошего, все мы как-то начинаем верить в себя, в добро, которое в нас живет... Меня очень впечатлил рассказ о том, как Андрея Рублева пригласили расписывать ад в церкви, а он отказался. Он о хорошем пел, о светлом. Лучшие композиторы говорят нам о лучших сторонах человеческой природы.

— Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве.

— Меня фактически растила жизнь. Мы—дети войны. Общие трудности порождали богатство личности. Сон души—это, может, самое страшное. Оттого, что наши квартиры будут забиты потребительскими ценностями, жизнь не станет добрее и великодушнее.

В наше время были колоссальные трагедии, и мы, хоть и дети, невольно были в курсе происходящего. Я жил на Урале, в Копейске, в шахтерском поселке. За нашей окраиной тут же начинались овраги, поляны. Огород... Мама до войны в ликбезе училась, окончила курсы медсестер, отец тогда заканчивал рабфак. Но, несмотря на то, что жизнь была трудной, я помню, как собирались землянички по вечерам и пели «Над серебрянной рекой на золотом песочке», «Ох, вы вздохи мои, вздохи»...

— В детстве Вы были мечтателем?

— Тага к прекрасному... Как это у меня началось? Наверное, с тяги к людям, которые занимались искусством. Рядом оказались те, кто рисовал, пел. Это моя огромная удача! Даже обычные танцы в клубе как-то связывались тогда с понятием о прекрасном. Все время слушал музыку по радио. Это уже была потребность. Помню, как слушал «Снегурочку». Помню даже, на улице услышишь музыку по репродуктору, встанешь и слушаешь, упиваешься. Самостоятельность тогда была как-то непосредственная, дев-

чонки пели дуэты—и это все в поселке, в глуши. Полуголодные ходили, а бились над философскими проблемами... Толстой... На девяносто девять процентов не понимаешь, но кажется так интересно, таинственно.

— Вы, наверное, и стихи писали...

— Я был очень влюбчив тогда. Пришел в поликлинику, сижу, жду приема. У нас деревянная такая была полик-

Александр Ведерников:

ТВОРИТЬ ДЛЯ ДОБРА

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

линика, бревенчатая, а напротив девушка села, и вот я посмотрел на нее, и она мне посмотрела в глаза. И все. Любовь с первого взгляда! Я уже встал, как лунатик, и пошел за ней, про врача забыл. Потом все старался встретить ту девушку то на танцах, то на базаре... Так я с ней и не познакомился. Вот робость какая была.

Но эта робость толкала и на дерзости. Уже учась в консерватории, попал на юг. «Она» была такая загорелая, в таком платье... Я был бедно одет, никакого достатка, почему-то в юности это играет роль. Она танцевала с каким-то военным, у меня хватило нахальства подойти и сказать: «Разрешите, я буду танцевать с ней. Она—моя!» Это, конечно, все было очень смешно, мы все трое тут же захохотали, но тем не менее танцевать с девушкой пошел я.

Очень печально, когда человек теряет способность влюбляться. Помнится, когда я влюбился надолго и серьезно, забирался на деревья...

— ?!

— От полноты чувств. По земле уже не ходилос. Забирался на деревья и там с блокнотом в руках писал стихи. У нас был сад за училищем, был конец учебного года, там сирень цвела, красота такая! Запущенный сад дворянский, туда никто из наших не ходил, а я две доски в заборе выломал и много времени проводил там. Признался «ей» в любви, но понял, что «она» ничем не может мне ответить,

и я тогда пошел в парикмахерскую, наголо сбрил свои кудри, у меня роскошные тогда были кудри, и уехал.

— Не так давно мне удалось попасть на премьеру «Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии», кажется, так полностью называется этот шедевр позднего Римского-Корсакова. Места были не самые лучшие, но даже к нам туда, на верхотуру, каждое слово Вашего кня-

жу... Мне показалось, что сцена «Сечи при Керженце», решенная при помощи кинематографических эффектов, выливается из стилистики спектакля. Вам никогда не хотелось оформить оперу? Какую?

— Иногда хочется, потому что мне порой кажется, что у многих художников (не у всех, конечно) нет ощущения музыки. А декорации должны быть очень музыкальными, быть заодно с музыкой. Если бы появилась такая возможность, я бы и поставил, и оформил «Русалку» Даргомыжского.

— Ваши любимые композиторы?

— У одних я люблю одно, у других—другое. Глинка очень напевный, чтобы его петь, надо быть высоким мастером. У него в звуке характер выражается, в самом пении. Не так в слове, как в мелодии. Я люблю Даргомыжского, Мусоргского, Бородину, хотя пою и Чайковского, и Рахманинова. Из советских композиторов мой самый любимый, конечно, Свиридов. С ним связана, может, лучшая пора моей творческой жизни.

— «Зорю бьют, из рук моих ветхий Данте выпадает...». Так начинается Ваша солирующая партия в «Пушкинском венке». Вы исполнили ее на премьере в Большом зале Консерватории, затем на двух последующих премьерах на радио и телевидении... Хотелось бы услышать Ваше суждение об этом произведении.

— Что тут скажешь? Гениально. Фактически «Венок» обессмертил Свиридова. Доколе будет жить хорошая музыка, дотоле и этот «Венок» будет жить. Музыка здесь—на уровне стихов.

— Что бы Вы хотели пожелать всем участникам всемирного праздника музыки в Москве?

— Раз праздник музыки—то хорошей музыки. Сейчас много композиторов, но не так много хорошей музыки. Куда больше становится бездушной, избитой умом, это очень грустно, и часто это все на виду и не дает места хорошему, и все это может сбить с толку, ибо посредственность выдает себя за гениальность, говорит, что ее потом поймут, и этим унижается достоинство слушателя. Не для возвышения человека, а для его унижения придумываются эти конструкции... И участникам фестивалей, и его слушателям я желаю побольше хорошей музыки в эти дни!

Беседу вела
С. ВИШНЕВСКАЯ.

зя Юрия доносилось во всем богатстве смысла и звучания.

— Эта опера—как сказка.

— В каком смысле?

— Пример можно брать—«добрым молодцам урок». В этой опере что всех привлекает? «Преданья старины глубокой». Это экзотика, опозитированная временем, жизнь в мире красоты и природы, естественно окружающей деву Февронию. А патриотизм этой оперы! Национальный характер—это прежде всего любовь к ближнему, жертвенность этой любви, прощение. Надо жить для добра. И в моей партии князя Юрия как раз ставится вопрос о том, что приобретения, слава, богатство—«суетное», не это определяет жизнь. Надо больше обращать внимания не на то, как побольше накопить или звания получить, а на то, как стать личностью, могущей принести пользу Родине

— Если вернуться к «Ките-